

8. Удалихин А.В. Отказ заказчика от государственного (муниципального) контракта: основания, порядок, последствия // Госзаказ в вопросах и ответах. 2015. № 9.

9. Южанин Н.В. Одностороннее расторжение государственного контракта: анализ законодательства и направления для коррекции // Нотариус. 2019. № 2. С. 24-28.

8. Udalikhin A.V. Refusal of the customer from the state (municipal) contract: grounds, procedure, consequences // Procurement in questions and answers. 2015. № 9.

9. Yuzhanin N.V. Unilateral termination of a state contract: analysis of legislation and directions for correction // Notary. 2019. № 2. P. 24-28.

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

SOCIAL FUNCTION OF PROPERTY IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта
№ 20-011-00207

DOI: 10.31429/20785836-12-4-24-29

Мигачева А.Ю.

*кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
<https://orcid.org/0000-0003-0760-9137>*

Migacheva A.Yu.

*Candidate of Law, Associate professor
Assistant professor of the Department of Civil Law
Kuban state University*

Аннотация: В статье поднимается проблема необходимости учета целей достижения социального благополучия в процессе реформирования законодательства о вещных правах. В настоящее время положения Гражданского кодекса РФ о праве собственности и других вещных правах нельзя назвать социально ориентированным. Вместе с тем, социализация гражданского законодательства отвечает поставленным стратегическим задачам. На примере зарубежного законодательства показано влияние философской теории социальной функции собственности, разработанной в начале XX века французским ученым Л. Дюги, на формирование гражданского законодательства и построение социального общества. Сделан вывод о том, что для достижения эффективности вещно-правового реагирования и реализации национальных целей развития России, идея о социальной функции собственности и всего вещно-правового регулирования должна быть воплощена как в общих нормах о вещных правах, так и реализуема через отдельные вещно-правовые институты.

Ключевые слова: вещное право, право собственности, социальная функция собственности, реформа вещного права.

Annotation: The article raises the problem of the need to take into account the goals of achieving social well-being in the process of reforming the legislation on property rights. Currently, the provisions of the Civil code of the Russian Federation on property rights and other property rights can not be called socially oriented. At the same time, the socialization of civil legislation meets the set strategic objectives. On the example of foreign legislation, the influence of the philosophical theory of the social function of property, developed in the early XX century by the French scientist L. Dugi, on the formation of civil legislation and the construction of a social society. It is concluded that in order to achieve the effectiveness of the real-law response and implement the national development goals of Russia, the idea of the social function of property and the entire real-law regulation must be embodied both in General norms on real rights and implemented through separate real-law institutions.

Keywords: property law, property law, social function of property, reform of property law.

Российское гражданское право уже более десяти лет находится на этапе серьезных преобразований. Однако до настоящего момента не завершена реформа центральной подотрасли гражданского права – вещного права, регулирующей имущественные отношения принадлежности материальных благ. Среди ориентиров, которые были поставлены перед разработчиками проекта изменений в раздел Гражданского кодекса РФ о вещном праве, были названы потребности современной экономической ситуации, существенно изменившейся с момента принятия части первой Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), необходимость учета опыта новейшего зарубежного законодательства и практики применения отечественного. На фоне этих, безусловно значимых направлений развития гражданского законодательства, из поля зрения выпала, пожалуй, наиболее важная цель, на достижение которой должно быть ориентировано законодательство, – социальное благополучие как индивида, так и общества в целом.

Гражданское право, по определению И.А. Покровского, «искони и по самой своей структуре было правом отдельной человеческой личности»¹. Построенное на началах свободы и самоопределения оно регулирует складывающиеся общественные отношения, исходя из потребностей и самооценности конкретного человека. Означает ли это, что гражданское право не должно решать задачи социального характера?

Ответ на данный вопрос можно найти у того же И.А. Покровского, который писал, что право должно быть оценено в том числе «с точки зрения тех социальных целей, которым оно служит»². Таким образом, гражданское право при всем присущем ему индивидуалистическом подходе к правому регулированию в силу самого предназначения права как средства достижения социальной справедливости должно быть нацелено и на решение задач, выходящих за рамки интересов конкретного лица.

Действующее законодательство о вещных правах нельзя назвать социально ориентированными. В нем отсутствуют как базовые установки, указывающие на то, что в

основе регулирования отношений присвоения материальных благ лежит идея о том, что реализация частнопроводного интереса не должна происходить в отрыве от решения общесоциальных задач, так и специальные правила, позволяющие через осуществление отдельных видов вещных прав достигнуть общепользные цели.

Вместе с тем, как в отечественной, так и в зарубежной доктрине гражданского права последних лет в центре внимания находится проблема реализации социальной функции вещно-правовых институтов, в частности, права собственности. Объединяет эти исследования отсылка к идее, положенной Л. Дюги в основу теории «социальной солидарности», в соответствии с которой «индивидуальная собственность перестает быть правом индивида и становится социальной функцией...»³. Видя предназначение человека в реализации себя в обществе, философ и сущность собственности связывал не только с удовлетворением индивидуальных интересов, но и общих, коллективных. В представлениях Л. Дюги собственник обязан способствовать увеличению общего благосостояния посредством использования своего личного имущества.

В начале XX в. А.А. Гольденвейзер отмечал, что, несмотря на спорность некоторых положений разработанной философом теории, ее основное значение состоит в «проникновении социальной концепции в науку права»⁴.

Представляется, что актуальность теории Л. Дюги в наше время связана с переосмыслением задач вещно-правового регулирования. Если в России на этапе, следующем после принятия части первой Гражданского кодекса РФ⁵ функции собственности раскрывались с позиций удовлетворения потребностей собственника, а само право собственности возводилось в ранг прав, реализуемых исключительно в соответствии с его волеизъявлением, то постепенно ориентир смещается в сторону поиска баланса между свободой усмотрения собственника при реализации права собственности и ее ограничением в целях достижения какого-либо социального блага.

¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Пг., 1917. С. 309.

² Покровский И.А. Естественно-правовые течения в истории гражданского права. СПб., 1909. С. 38-39.

³ Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона. М., 1919. С. 82.

⁴ Гольденвейзер А.А. Социальная теория права (Памяти Леона Дюги) // Закон и суд. 1929. № 2. С. 72.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Г.Ф. Шершеневич по этому поводу писал, что «при том обширном правомочии, которое дается собственнику, можно опасаться, что осуществление права, ничем не стесненного, способно отразиться весьма вредно на интересах прочих членов того же общества, на интересах самого общества»⁶. В.Н. Соловьев отмечает, что в случаях, когда объект права частной собственности необходим для решения социальных задач, правомочия частного собственника могут быть ограничены⁷.

Аналогичную тенденцию можно наблюдать и в зарубежном праве. Право собственности в римском частном праве открывало перед его обладателем весь спектр возможностей, исключая какое-либо стороннее вмешательство в процесс реализации. Такой подход к определению права собственности был заимствован затем французским и немецким правом. Вместе с тем, эволюция права собственности привела к тому, что уже в Конституциях и Гражданских кодексах ряда зарубежных стран (например, Испании, Италии, Греции и др.) находит закрепление положение о социальной функции собственности.

Особый интерес в контексте исследования социальной функции собственности представляют страны Латинской Америки, в которых в XXI в. наблюдается смена курса развития с нелиберальной системы, которая привела к появлению в данных странах бедности, социального расслоения, маргинализации масс, к концепции новых реформ, в основе которой лежит повышение регулирующей роли государства и развитие социальной политики. Специфика гражданско-правового регулирования отношений собственности в данных странах связана с тем, что в них происходит не просто переосмысление концепции социальной функции собственности Л. Дюги, но и ее последовательная имплементация в законодательство. Для таких стран как Колумбия, Бразилия, Чили, Венесуэла признание и реализация социальной функции собственности является стратегией преодоления кризиса социального развития.

Конституция Боливарианской республики Венесуэла⁸ открывается перечислением основных принципов государственного устройства. В ст. 2 закреплено, что Венесуэла представляет собой демократическое и социальное государство, основанное на принципах права и справедливости, которое утверждает в качестве наивысших ценностей жизнь, свободу, справедливость, равенство, общность интересов, социальную ответственность, и в общем плане главенствующее значение прав человека, нравственные принципы и политический плюрализм.

На уровне Конституции закреплено, что государство обеспечивает развитие сельского хозяйства как опоры для своей стратегической базы с целью гарантировать продовольственную безопасность населения, предполагаемую как достаточное и стабильное наличие питания (производство питания имеет фундаментальное значение для экономического и социального развития страны).

Таким образом, признается социальная ценность земли как источника социального благополучия.

В ст. 3 Конституции закреплено, что важнейшей задачей государства является обеспечение процветания и благосостояния народа.

Гражданское законодательство республики Венесуэла исходит из определения права собственности как исключительного права пользования, владения и распоряжения предметом с ограничениями и обязательствами, установленными законом. При этом ст. 547 Гражданского кодекса республики Венесуэла⁹ закрепляет, что никого нельзя обязать уступить свою собственность или отдать ее в пользование других, кроме случаев, когда такая собственность необходима для обеспечения общего блага, и только после состязательного процесса и возмещения убытков. Закрепляет кодекс и возможность экспроприации для обеспечения общего блага.

В соответствии со ст. 58 Конституции Колумбии¹⁰, собственность несет социальную

⁶ См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 2005. С. 229.

⁷ Соловьев В.Н. Социальная функция гражданско-правового регулирования отношений собственности: автореф. дис. ... д-р юрид. наук. М., 2013. С. 11.

⁸ Конституция Боливарианской республики Венесуэла от 30 декабря 1999 г. // Законодательство

Боливарианской республики Венесуэла. Т. 1. М., 2011. С. 13.

⁹ Гражданского кодекса республики Венесуэла // Законодательство Боливарианской республики Венесуэла. Т. 1. М., 2011. С. 170.

¹⁰ Colombia's Constitution of 1991 // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Colombia_2015.pdf?lang=en (дата обращения – 29 ноября 2020 г.)

функцию, что выражается в праве государства экспроприировать ее для целей общественного использования в судебном или административном порядке с предоставлением компенсации. Установлено, что если частный интерес входит в противоречие с общественным, то приоритет имеет общественный или социальный интерес.

В Колумбии действует система, при которой государство имеет право регулировать использование различных видов собственности для обеспечения выполнения их социальной функции. Социальная функция же состоит в том, что право собственности должно осуществляться не во вред, а на пользу обществу, в соответствии с коллективными потребностями, и исходя из уважения прав других. В Колумбии государство защищает частную собственность только тогда, когда она используется продуктивно и в рамках социальных задач¹¹.

Конституционный суд Колумбии разъяснил, что в целях продвижения концепции социальной функции собственности, законодатель может наложить на собственника ряд ограничений ради достижения социальных интересов, сохраняя при этом возможности владения, пользования и распоряжения имуществом, минимально необходимые для получения экономических выгод, оправдывающих наличие частного интереса в собственности¹². Стоит отметить, за привлекательностью законодательных формулировок должен стоять построенный на началах законности механизм ограничения права собственности, в противном случае общество столкнется с массовыми злоупотреблениями.

В Чили понятие социальной функции собственности закреплено в ст. 10 Конституции¹³. Социальная функция собственности включает в себя в той мере, в какой этого требуют общие интересы государства, национальная безопасность, полезность и общественное благосостояние, наилучшее использование источников

производительной энергии для служения коллективу и улучшения условий совместной жизни жителей. Следует отметить, что чилийцы отчаянно отстаивали идею включения данного понятия в основной закон. Дебаты о том, избрать ли предложенную Л. Дюги концепцию начались задолго до принятия Конституции Чили 1925 г. В итоге формула социальной функции собственности, получившая в ней закрепление, вошла и в новую Конституцию Чили 1980 г.

Конституция¹⁴ (ст. 156) и Гражданский кодекс Бразилии также исходят из социального назначения собственности.

В силу ст. 1128 Гражданского кодекса Бразилии, при осуществлении права собственности должны учитывать и экологические требования, и необходимость сохранения культурного наследия¹⁵. Последний аспект особенно значим для поддержания исторической идентичности. К сожалению, и в России собственники исторических зданий и сооружений порой относятся к ним безответственно, допуская разрушения. Несмотря на то, что Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ»¹⁶ закрепляет требования, адресованные собственникам, к содержанию таких объектов, их практическая реализация оставляет желать лучшего. Вместе с тем на собственнике объекта, отнесенного к числу памятников истории и культуры, лежит социальная обязанность поддержания их надлежащего состояния, ведь право на сохранность объектов культурного наследия является частью конституционного права граждан на доступ к культурным ценностям.

В настоящее время принцип социальной функции собственности составляет основу организации правопорядка Бразилии. Однако в литературе встречается и его критика, основанная на том, что бразильский законодатель, по сути, заимствуя идею внешних ограничений, породил «экзотическую» концепцию социальной

¹¹ Bonilla D. Liberalism and Property in Colombia: Property as a Right and Property as a Social Function // Fordham L. Rev. 2011. V. 80. Is. 3. P. 1164.

¹² Corte Constitucional [C.C.] [Constitutional Court]. December 7. 1995. M.P: Carlos Gaviria Díaz, Sentencia C-595/99 // URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/1999/C-595-99.htm> (дата обращения - 29 ноября 2020 г.).

¹³ Constitution of Chile // URL: <https://web.archive.org/web/20061207024251/https://www.presidencia.cl/view/pop-up-nueva-constitucion-texto.asp> (дата обращения - 29 ноября 2020 г.).

¹⁴ Constitution of the Federal Republic of Brazil // URL: <https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2013/09/Brazil-constitution-English.pdf> (дата обращения - 29 ноября 2020 г.).

¹⁵ The Brazilian Civil Code // URL: <https://law.unlv.edu/library/foreign-law-guide/brazilian-civil-code-english> (дата обращения - 29 ноября 2020 г.).

¹⁶ Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.

собственности, которая в реальности мало применима. Несмотря на некоторые разногласия, в целом значимость идей социальной функции собственности для развития отдельных сфер бразильского общества сомнений не вызывает.

В частности, рассматриваемая концепция активно реализуется в процессе городского планирования, путем введения ограничений в отношении застройщиков и землевладельцев. Урбанистическое устройство бразильских городов – проблема, уже несколько десятилетий стоящая перед властями Бразилии. Ее решение было найдено через признание за бразильцами «права на город».

Данная концепция предполагает, что городская собственность должна выполнять социальную функцию, т.е. обеспечивать удовлетворение потребностей граждан в отношении качества жизни, социальной справедливости и развития экономической деятельности.

«Право на город» включает: право на устойчивое развитие городов; право на участие в управлении городом; использование планирования с целью предвидения разрастания городов; справедливое распределение затрат и выгод; создание инфраструктуры районов, заселенных малоимущими слоями общества. Опираясь на закрепленную конституционно социальную функцию собственности, бразильские суды вправе изымать и перераспределять частично пустующие городские земли, разрешать принудительную застройку, однако, с учетом интересов тех лиц, которые проживали на этих землях. Таким образом, принцип социальной функции собственности в Бразилии относится к праву на городскую среду, жилище и справедливое распределение прибыли и издержек развития городской частной собственности.

В России, конечно, ситуация не столько критична как в Бразилии. Вместе с тем, согласно Указа Президента РФ от 21 июля 2020 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹⁷, к числу стратегических целей развития относится создание комфортной и безопасной среды для жизни. Реализация данной цели потребует принятия мер, направленных на улучшение

качества городской среды, жилищных условий, снижение выбросов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду. Неизбежно возникнут проблемы конкуренции частных и общественных интересов; последним при реализации данного направления должен быть отдан приоритет, при условии разумного и справедливого подхода к необходимости введения ограничений частной собственности.

Собственники объектов городской инфраструктуры должны осознавать свою социальную ответственность за развитие городского пространства.

Рассмотренные примеры законодательного признания социальной функции собственности демонстрируют разнообразие избранных странами подходов. Вместе с тем, не случайно возрождение теории социальной функции собственности происходит в Латинской Америке, прежде всего, это связано с необходимостью решения назревших проблем социального характера, существующих в данных странах.

Однако призывы обращения к указанной теории звучат и в более развитых государствах. Так, М.С. Миро заявляется о том, что идея социально-обязательственной нормы собственности переживает ренессанс в американской правовой мысли¹⁸.

Думается, что российское гражданское право также должно пойти по пути социализации. И хоть концепция Л. Дюги, построенная на отрицании субъективного права, в полной мере не может быть применима для объяснения социальной функции вещно-правовых институтов, сама идея о том, что право собственности и иные вещные права должны способствовать достижению общего благосостояния, должна быть последовательная проведена в жизнь, возможно, путем закрепления принципа социальной направленности вещно-правового регулирования в Гражданском кодексе РФ. Современная система ограниченных вещных прав должна быть дополнена правами социальной направленности, способными, не умаляя вещных прав собственника, предоставлять определенные имущественные и социальные гарантии, субъектам, находящимся в зависимом положении от собственника.

¹⁷ Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

¹⁸ Mirow M.C. The Social-Obligation Norm of Property: Duguit, Hayem, and Others // Florida Journal of International Law. 2010. V. 22. P. 226.

Список цитируемой литературы:

1. Гольденвейзер А.А. Социальная теория права (Памяти Леона Дюги) // Закон и суд. 1929. № 2. С. 67-72.
2. Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона. М., 1919.
3. Покровский И.А. Естественно-правовые течения в истории гражданского права. СПб., 1909.
4. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Пг., 1917.
5. Соловьев В.Н. Социальная функция гражданско-правового регулирования отношений собственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.
6. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 2005.
7. Mirow M.C. The Social-Obligation Norm of Property: Duguit, Hayem, and Others // Florida Journal of International Law. 2010. V. 22. P. 191-226.
8. Friendly A. The Place of Social Citizenship and Property Rights in Brazil's «Right to the City» Debate // URL: SPS-1900043 307..318.
9. Bonilla D. Liberalism and Property in Colombia: Property as a Right and Property as a Social Function // Fordham L. Rev. 2011. V. 80. Is. 3. P. 1135- 1170.

The list of quoted literature:

1. Goldenweiser A.A. Social Theory of Law (in Memory of Leon Dugi) // The Law and the Court. 1929. №. 2. P. 67-72.
2. Dugi L. General Transformation of Civil Law Since the Code Napoleon. M., 1919.
3. Pokrovsky I.A. Natural Law Trends in the History of Civil Law. St. Petersburg, 1909.
4. Pokrovsky I. A. Main Problems of Civil Law. PG., 1917.
5. Solovyov V.N. Social Function of Civil Law Regulation of Property Relations: abstract ... Doctor of Law. M., 2013.
6. Shershenevich G. F. Textbook of Russian civil law. M., 2005.
7. Mirow M.C. The Social-Obligation Norm of Property: Duguit, Hayem, and Others // Florida Journal of International Law. 2010. V. 22. P. 191-226.
8. Friendly A. The Place of Social Citizenship and Property Rights in Brazil's «Right to the City» Debate. URL: SPS-1900043 307..318.
9. Bonilla D. Liberalism and Property in Colombia: Property as a Right and Property as a Social Function // Fordham L. Rev. 2011. V. 80. Is. 3. P. 1135- 1170.